

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ВИТКЕ ПРЕОБРАЖЕНЬЯ

СКАЗАНИЕ ОБ АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ

С той метельной зимы минул снег неизвестно какой,
Но живёт до сих пор свет предания, Господом данный, —
Как с заплечным мешком да сосновым простым посошком,
Да по тропочке той шёл апостол Андрей Первозванный.

Он за Киев пошёл — к неизвестным истокам Днепра,
К лютым северным льдам в скифском сне беспробудном
медвежьем.

Тёмен город в снегу — ведовская курная нора!
Грозен царь Борисфен, залепивший метелями вежды!

Морды бесов и змей на долблёных кривятся ладьях.
Шкуры вепрей и лис — на парнях и зазнобах счастливых.
Курит град Смоленец смóлы в красных кипучих кострах.
Эту лютую тьму не развеять и Божьим огнивом!

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве “Современник”, газетах “День”, “Завтра”. Автор поэтических книг “Золотые шары”, “Птицы в городе”, “Тысяча лет — снегопад”, “Русской провинции свет” и подборок в различных периодических изданиях. Лауреат годовых премий журнала “Наши современники” и Всероссийской православной премии и.м. св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры. Член Союза писателей России.

И такая тут ночь, и такой вековечный мороз,
И такая пурга, что надёжней совсем не родиться!
Но на Тайной Вечере апостолам молвил Христос,
Чтоб страдали и шли — ибо всем надлежит причаститься!

Только здесь и слова, замерзая, плывут в пустоту.
Есть лишь зверьи следы да алмазные звёзды на черни!
Шёл апостол Андрей — и сквозь вьюгу молился Христу,
И просил у Христа вразумленья в молитве вечерней.

И услышал Христос, и по свету сошёл в снегопад,
Рядом встал на холме и вгляделся в морозные дали.
Что за тихая ночь! Этот лес — как Божественный сад
В голубых хрустальных, утоливших земные печали!

Мерно сосны поют над сугробами трубами царств.
Тонок звон тишины в заповеданном царстве зверином.
Под лосиным копытом не хрустнет прогнувшийся наст.
Не шелóхнется снег под бесшумною стаей волчиной.

И руками развёл над великим простором Христос,
И холмы поползли над рекою, подобно телегам.
И великий простор городами сквозь вьюги порос,
И во тьме зазвенел куполами, крестами и снегом.

И из снега, из тьмы, из медвежьих и заячьих троп,
Из праскифского сна, глушь медвежьих распадков осилив,
Из глубин Борисфена, из белых сосновых чащоб
Сквозь седой снегопад за холмами явилась Россия.

В золотых куполах — как свеча над снегами горит!
В красноглавых кремлях — с ясным пламенем чистого сердца.
И идут за Христа на Голгофу князья и цари,
И идут за Христа на мученья и смерть страстотерпцы.

Невский князь Александр солнцем битвы звенит на ветрах,
Инок Сергей поёт песню жизни бойцам Куликова,
Смуту чёрных времён разгоняет Крестом Иринарх,
Мирным Духом горит Серафим из святого Сарова.

И растут города из метельных сугробных берлог,
И заводы дымят по сосновым чащобам морозным,
И плывут корабли льдами синих штормящих дорог,
И летят корабли к замерзающим медленным звёздам.

Это, Господи, рай! Это дивных чудес снеговой!
Это, Господи, сад на искрящей алмазами черни!
Так стояли они — сам Христос и апостол Андрей, —
Замышляя Россию в великой молитве вечерней.

Как на тропочке той, где в сугробе дрожит березняк
И завода труба вмерзла в тучу над красным закатом.
И люблю я смотреть сквозь огнями вихрящийся мрак,
Прозревая легко, что заведомо было когда-то

Вот у этих седых крепостных развалившихся стен,
У церквей и мостов, вмёрзших в снега родную стихию,
Где из тьмы вековой выплывает, клубясь, Борисфен
И священным Днепром за холмами впадает в Россию.

УЛИТКА

Ты в этом мире медленнее всех.
Ползёшь к цветку — и время тратить грех,
Чтоб наблюдать за медленным движеньем.
Но нет быстрее урагана звёзд,
Летающих по спирали млечных вёрст
В стремительном витке преображенья.

Куда тебе спешить и почему —
Навек неясно твоему уму
В пространстве продвижений постепенных.
Ведь если время не остановить,
Так можно спрятать или закрутить
В спиральный панцирь медленных вселенных.

Сгорают звёзды, пролетают дни,
Поют пульсары — времени сродни.
А ты ползёшь замедленной дорожкой
По правилам неведомой игры.
Ведь можно так: свернуть в себя миры —
И с лепестка цветка топорщить рожки.

В ГЖАТСКЕ

В тот кладбищенский храм на осколке земли
Мы когда-то случайно детьми забрели
И всю жизнь вспоминали про это.
На краю ойкумены там кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать,
Вытекая в миры из планеты.

Там старухи, взывая к Творцу о мирах,
На глазах рассыпались в кладбищенский прах
И воскреснуть грозили серьёзно.
Там Гагарин летел над затихшей Землёй,
Всех кумиров планеты затмивши собой,
А в ладонях — кувшинки и звёзды.

Но я помню с тех пор — все мы знаем без слов —
Тот восторг потрясения до первооснов,
Тот священный покой сизокрылый,
Где старухи поют и сияет звезда,
Я себе не могла объяснить никогда.
Только знала — о, что-то там было!

Эта церковь годá пролежала на дне
Детской памяти — в донной речной глубине,
И всплыла куполами оттуда.
Прочитала случайно я в книжке одной,
Что служил там в изгнании Никон святой —
Воробьёв. Разве это не чудо?

Там, в забвеньи, не споря с нелёгкой судьбой,
Он молился Творцу и боролся с собой
Много горестных лет и счастливых,
Чтоб молчаньем и словом с грехом совладать.
Он ушёл, но стояла звездой благодать
Много лет в прикладбищенских ивах.

И касалась она душ случайных, как мы,
Заглянувших в ту церковь, взрывая умы,
Рассыпая земные химеры.
Что нам — детям — без слов объяснили тогда?
Русский космос рождает отнюдь не звезда,
А река покаянья и веры.

Помолись же о нас из счастливых миров,
Отче Никон, учитель святой Воробьёв,
Рыцарь в душу летящего света
На краю ойкумены, где кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать
О Создателе синей планеты.

Чтоб Гагарин летел и горела звезда,
Кто-то должен светить и молиться всегда
В век безверия, полночью поздней —
И тогда встанут сонмы живых из земли,
И к Небесному Царству взлетят корабли,
Обгоняя кувшинки и звёзды.

* * *

Колышет травы и цветы колышет,
И горизонт колышется вдали.
Здесь, в глубине лугов цветущих, слышно
Особое присутствие земли.

В густой тиши, текущей в мирозданье,
Сливаясь с птицей, бабочкой, травой,
Сквозит её огромное сознание,
Вливаясь в общий разум мировой.

Но, вглубь себя от шумных просек века,
Дорогами текучими пыли,
Как будто бы не видит человека
В другое погружённая земля.

В своей судьбе неведомой отдельной,
Колбля ветром зрелый травостой,
Она живёт и мыслит параллельно,
О жизни не советуясь с тобой.

Но, полноправный гражданин вселенной,
Ты знаешь, что судьба тебе велит,
И ты желаешь вырваться из плена
Влекущей властно в глушь свою земли.

Ты над собою делаешь усилие
Подняться к синей тьме над головой
И для полёта расправляешь крылья,
А крылья поросли густой травой.

* * *

Страницы книжки записной — как рай,
Свод телефонов старых, позабытых.
Под номерами — Тряпкин Николай,
Глушкова, Ступин, Кузнецов — пииты!

Да был бы номер! Тот ли, этот свет —
Тем, кто прозрел однажды, — дела мало!
В безбрежной жизни верует поэт,
Что вечность номеров не поменяла.

Но что им — небожителям — до нас?
Среди миров любви, добра и света,
Испив забвенья неземной запас,
Забыли быстро о Земле поэты.

Я лучше наберу стозначный код
Звезды, не зная лет и расстояний.
И вдруг услышу: в трубке запоёт,
Мирам сердито вторя, мирозданье.

Или, проснувшись рано поутру,
Когда проявит краски солнца гений,
Я длинный генный номер наберу
И позвоню в соседний двор к сирени.

— Алло! Сирень! — Ветвями зашумит,
И вдруг пойму, что слушает и слышит.
Лиловой гроздью медленной дрожит
И бездной, равной мирозданью, дышит.

* * *

Когда, взрывая тьмы отвес
И душ растерянных основы,
На мир, как свет с ночных небес,
Божественное сходит Слово,

Ему внимают царь Давид,
К струне пророческой склонённый,
И горький Иов в тьме обид,
И в чреве бед земных Иона.

За ним следят за тыщи вёрст
В пустынях Азии с Европой
Из тайников железных гнёзд,
Глаза вращая, телескопы.

И ты, аукая тайгу
У чёрных изб в углу медвежьем,
Запишешь строчку на снегу
И глянешь в синее безбрежье —

А там — сквозь холод звёзд и снег —
Холодным северным сияньем
Горит один огонь на всех
Над потрясённым мирозданьем.

Так ты, поэт, строкой разя,
В наследство вольных рифм вступая,
Забудь искать во всём себя,
Своей гордыне потакая.

Всему творению родня
Огнём и вечным духом Слова,
Исполнишь общего Огня
И не ищи огня другого.